

СЕМЬ
МИРОВ.
ОДНО
БОЛЬШОЕ
СЕРДЦЕ.

12+

ГОДЫНЯ

ЗАВИСТЬ

ГНЕВ

ПОХОТЬ

АЛЧНОСТЬ

ЧРЕВΟΥГОДИЕ

ЛЕНЬ

МАЛЕНЬКИЙ
СТРАННИК
и 7 ПЛАНЕТ
Алина Лазурная

ДОБРО
ВСЕГДА
НАЙДЕТ
НОВЫЙ
ПУТЬ

Алина Лазурная Маленький Странник и 7 планет

<https://litres.ru/74504128>

ISBN 9785007130295

Аннотация

Маленький Странник не искал приключений — он искал путь домой. Семь планет — семь испытаний, семь зеркал, в которых отражаются человеческие грехи. Гнев, похоть, чревоугодие, лень, гордыня, алчность, зависть — здесь они становятся целыми мирами, способными поглотить того, кто забудет, кто он есть на самом деле. Шаг за шагом, проходя через каждую планету, Маленький Странник собирает не просто осколки света своей любимой звезды Альционы — он возвращает по крупицам себя и свою способность любить.

Содержание

Глава 1	5
Планета Маленького Странника	5
Глава 2	14
Планета Гордыни	14
Глава 3	22
Планета Алчности (Жадности)	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Маленький Странник и 7 планет

Алина Лазурная

© Алина Лазурная, 2026

ISBN 978-5-0071-3029-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Планета Маленького Странника

Планета Маленького Странника была совсем небольшой — такой, что с одного её края можно было увидеть другой, если встать на цыпочки. Но на этой крошечной земле умещалось удивительно много: тут был и тихий райский водопад, и вишнёвый сад в котором жил роскошный павлин, и целое небо, в котором горела одна особенная звезда по имени Альциона.

Водопад находился на краю планеты, там, где земля чуть понижалась, образуя уютную расщелину. Вода падала с небольшой высоты — не бурно, а мягко, словно кто-то тихо перебирал струны невидимой арфы. По краям водопада росли белые лилии — нежные, с тонкими лепестками, которые чуть подрагивали от брызг. Они источали лёгкий, едва уловимый аромат, не сладкий и не приторный, а чистый, как утренняя роса. Маленький Странник приходил сюда по утрам, садился на гладкий камень и просто слушал воду. Лилии кивали ему, будто здоровались, и он кивал в ответ — это был их негромкий, ежедневный ритуал.

На другом конце планеты раскинулся вишнёвый сад — тихий, будто сотканный из покоя и терпкого аромата цветущих

щих ветвей. Маленький Странник заботился о нём каждый день: ещё до того, как первые лучи Альционы касались земли, он выходил с глиняным кувшином, чтобы полить деревья, аккуратно подрезал сухие ветки, будто возвращая саду его стройную красоту, рыхлил землю у корней, чтобы им было легче дышать.

Вишни были невысокими, но крепкими — словно знали, что на этой планете порой дует резкий ветер и светит слишком жаркое солнце, и потому росли не ввысь, а вширь, создавая густой сад. Каждый месяц деревья покрывались белыми цветами так обильно, что сад казался облаком, опустившимся на землю и решившим остаться здесь навсегда. А позже, когда лепестки осыпались, на их месте появлялись плоды — сладкие, сочные, налитые солнцем. Они круглый год кормили Маленького Странника и павлина, даря не просто еду, а чувство, что их труд не напрасен.

Странник любил этот сад всей душой: в нём чувствовалось время — то самое тихое, неторопливое время, которое можно прожить только рядом с тем, что ты сам растешь. В каждом новом побеге, в каждой морщинке коры, в том, как по-разному цвели деревья, была история — его история. И сад отвечал ему: шелестел листьями, будто шептал слова благодарности, и дарил плоды, словно говорил: «Мы растём, потому что ты здесь».

Но у сада был враг. Вьюн — травянистая лиана с красивыми, манящими цветами — то и дело пробивался из земли

у подножия вишен. Его цветы были действительно прекрасны: яркие, жёлтые, словно солнце, с тонким, дурманящим ароматом, они раскрывались по утрам и тянулись к стволам, словно обнимали их. Но под этой красотой таилась гибель: вьюн обвивал ствол вишни, постепенно затягивая свои кольца всё туже, и выпивал из дерева соки — медленно, незаметно, пока вишня не начинала чахнуть, желтеть, а потом и вообще погибала.

Каждый день Маленький Странник осматривал сад и безжалостно выкорчёвывал вьюн, пока тот был ещё тонким и слабым. Это была простая, но важная работа: если дать ему окрепнуть, его уже не удалить, не повредив дерево. Странник знал это и не жалел красивых пышных цветов — он видел их красоту, но помнил, чем она оборачивается.

В вишнёвом саду жил павлин — не просто птица, а настоящий друг Маленького Странника. Он был словно ожившая радуга: шея — сапфировая, грудь искрилась золотом, а на голове красовался хохолок, точно серебряная корона. Когда он раскрывал хвост, тот превращался в огромный мерцающий веер, усеянный волшебными «глазками»: в каждом прятался свой узор — будто крошечный кусочек звёздного неба, пойманный и сохранённый на перьях.

Он двигался так легко и плавно, будто не ступал по земле, а плыл над ней, сотканный из света и тайны. В его походке было что-то царственное, но без надменности — скорее, тихое достоинство того, кто знает свою роль в этом мире и ис-

полняет её с заботой.

Павлин помогал ухаживать за садом: первым обходил деревья, зорким взглядом выхватывал из травы тонкие ростки выюнка и сообщал о них лёгким, словно хрустальный звон, зовом. Странник сразу понимал этот сигнал и спешил следом: вместе они выдёргивали лиану, пока та не успела вцепиться в дерево.

Но главная его сила была не в зоркости, а в умении просто быть рядом. Он умел молча выслушать: когда Маленький Странник шептал о тревогах или стыдился своих слов, сказанных Альционе, павлин не упрекал и не обвинял — он чуть склонял голову, будто говорил: «Я слышу тебя. Ты можешь выдохнуть». А порой, когда усталость ложилась на плечи Странника тяжестью, павлин тихонько прижимался крылом, словно приобнимал — и от этого становилось чуть теплее и спокойнее.

Над планетой мерцала большая звезда по имени Альциона. Она была не просто светом в небе — она была проявлением любви, тёплой и бережной. По ночам Альциона светила особенно ярко, будто старалась дотянуться лучами до самой планеты, чтобы Страннику не было холодно. Когда он грустил, она чуть темнела, словно прислушивалась, а потом снова разгоралась — мягко, успокаивающе, как будто шептала: «Я здесь. Всё будет хорошо».

А позади остался сад, тихий водопад и павлин, который теперь один ходил между вишнями, замечал ростки выюна и

выдёргивал их — не потому, что боялся, а потому, что так они делали вместе.

Но однажды Альциона захотела показать свою любовь во всей её силе. Она стала светить так ярко, будто решила отдать Страннику весь жар Вселенной сразу: днём её лучи обжигали листья, а ночью её свет был таким плотным и горячим, что даже тени будто плавились и исчезали. Сначала водопад стал уменьшаться — вода будто не успевала падать, испаряясь ещё в полёте. Потом вишни начали сохнуть быстрее, чем Странник успевал их поливать. Листья, прежде нежно-зелёные, теперь покрывались сухими краями, скручивались и опадали раньше времени.

Странник старался изо всех сил. Он вставал до первых проблесков света, носил воду в глиняных кувшинах, укрывал деревья тонкими полотнами, чтобы хоть немного защитить их от беспощадного сияния. Он не злился на Альциону — ведь он знал, что она делает это из любви. И потому он работал ещё усерднее, будто хотел доказать: он достоин такой сильной любви, он выдержит, он сбережёт свой сад.

Однажды, когда полдень стал совсем невыносимым, Странник опустился на нагретый камень, едва держась на ногах от усталости. И тут к нему подошёл павлин. Он медленно, торжественно распустил свой хвост, и огромная тень накрыла Странника, словно живой прохладный купол. В этой тени стало легче дышать, и на мгновение мир будто замер, давая ему передышку.

Странник положил ладонь на гладкие перья у основания хвоста, чувствуя, как под пальцами бьётся спокойное сердце друга, и тихо, но твёрдо поднял глаза к небу.

— Если ты любишь меня, пожалуйста, не сжигай мой сад, — прошептал он, обращаясь к Альционе. — Мне не нужно столько пламенной любви, если ради неё приходится терять всё, что я вырастил. Я люблю тебя, но позволь мне беречь то, что мне дорого.

Слова прозвучали не как упрёк, а как признание в боли — тихое, искреннее, без гнева. Но для Альционы, которая привыкла мерить любовь величиной своего сияния, они стали ударом. Её свет на мгновение дрогнул, будто она впервые услышала не благодарность за тепло, а просьбу умерить его. А потом она вспыхнула — так ослепительно, что даже камни на планете стали горячими, а тени исчезли вовсе.

В этой последней вспышке её свет раскололся и рассыпался на семь осколков. Каждый осколок улетел прочь, становясь центром новой планеты, и уносил с собой часть её жара, её гордости, её желания быть единственной и самой яркой.

Когда сияние угасло и на планете воцарилась полная темнота, Странник вскочил на ноги и наблюдал за тем, как разлетаются осколки его любви. Внутри него разжигалось ощущение, будто он потерял самое дорогое. Сад сразу стал прохладнее, водопад снова зажурчал, листья перестали скручиваться. Но Странник не радовался спасению сада. Он смотрел на пустое место, где прежде горела Альциона, и понимал:

он не хотел победы над её любовью. Он хотел лишь, чтобы она научилась светить так, чтобы не сжигать то, что он растил с такой заботой.

Павлин медленно сложил хвост и тихо коснулся крылом плеча Странника.

— Я не отвергал её любовь, — тихо сказал Странник, будто оправдываясь перед самим собой. — Я только просил не обжигать меня этим светом.

И тогда он понял, что его путь теперь — не убегать от тьмы и не прятаться от света, а идти туда, где свет стал болью. Он должен был пройти по семи планетам грехов, услышать каждый осколок, понять, как любовь, не умеющая быть бережной, превращается в грех, и вернуть Альционе её свет — но уже не обжигающий, а тёплый, такой, под которым могут расти цветы.

Маленький Странник расправил плечи и посмотрел на павлина.

— Я должен пойти, — сказал он. — Я должен всё исправить. Я должен её вернуть.

Павлин склонил голову, будто принимая эту правду, и снова распустил хвост — на мгновение, чтобы ещё раз укрыть друга своей тенью, словно шептал: «Ты не один. Я буду здесь, и этого хватит, чтобы ты помнил: тебя ждут».

И он шагнул к краю планеты, так начинается его путешествие по семи планетам — каждая из них становится зеркалом одного из человеческих грехов, искажённым и пре-

увеличенным, но до боли узнаваемым. На этих планетах ему не придётся сражаться с чудовищами или разгадывать сложные головоломки: главным испытанием станет встреча с собственными поступками, мыслями и чувствами, которые он когда-то считал незначительными. Каждая планета будет проверять его по-своему — заставляя заново переживать моменты, где он поддался слабости, и давая шанс увидеть эти решения с другой стороны.

А позади остался сад, тихий водопад и павлин, который теперь один ходил между вишнями, замечал ростки выюна и выдёргивал их — не потому, что боялся, а потому, что так они делали вместе.

Планета Маленького Странника

Глава 2

Планета Гордыни

Планета Гордыни не стремилась поразить красотой — она стремилась подавить величием. Её ландшафт был выстроен так, чтобы каждый шаг напоминал: ты мал, ты ничтожен, ты лишь песчинка перед лицом совершенства. Горы здесь не просто вздымались — они презирали равнины, будто стыдились быть на одном уровне с чем-то низким. Ущелья зияли, как насмешливые улыбки: «Попробуй спуститься — и ты признаешь, что ниже». Даже реки текли не туда, где легче, а туда, где эффектнее: они срывались с отвесных скал, чтобы грохотать и кипеть, доказывая свою силу.

Небо над планетой было ослепительно чистым — ни единого облачка, которое могло бы хоть на миг затмить сияние. Оно казалось стеклянным куполом, отполированным до зеркального блеска, чтобы отражать не лица, а только величие самой планеты. И в этом отражении любой человек становился меньше, чем был.

Пространства здесь было столько, что оно само по себе становилось преградой: чтобы дойти до соседа, нужно было потратить световой день, а чтобы просто окликнуть его — голос терялся в ветре, который гудел, но не приносил слов.

Люди здесь жили поодиночке, в домах, будто специально поставленных так, чтобы не смотреть друг другу в окна. Дома стояли не рядами, а вразброс — кто где решил, что ему «по праву» принадлежит этот кусок земли, и никто не спорил, потому что спорить означало признать, что другой вообще достоин твоего внимания.

Жители в основном молчали. Они могли стоять рядом на рынке, не поднимая глаз, могли пройти мимо знакомого и не кивнуть — не из злости, а из убеждения: «Если он не подошёл первым, значит, не считает меня достойным. А я не стану унижаться и начинать разговор». И в этом молчании не было покоя — оно было натянутым, колючим, как проволока, которая держит обиду.

Многие годами хранили глупые, почти незаметные обиды: кто-то когда-то не похвалил пирог, кто-то прошёл мимо, будто не заметил, кто-то сказал «спасибо» слишком буднично, без должного уважения. Эти мелочи здесь не забывались — они копились, обрастали деталями и становились непримиримыми разногласиями. И каждый был твёрдо убеждён, что прав именно он: ведь признать чужую правоту значило хоть на шаг опуститься с собственного пьедестала, а на этой планете люди скорее оставались одни, чем делали этот шаг.

Одиночество здесь не считалось бедой — его носили как доспех. «Мне никто не нужен, я сам по себе» звучало не как боль, а как гордость, и чем дольше человек жил в этом убеждении, тем тяжелее становилось любое слово, способное его

поколебать.

В центре планеты, на самой высокой горе, стоял Дом Правоты — огромное, но странно пустое здание. В нём не жили, туда приходили, чтобы «закрепить» свою правоту: человек входил, садился в кресло, и стены тихо, без пафоса, повторяли его аргументы, будто сама планета соглашалась с ним. Но самое странное было в том, что, когда кто-то пытался привести аргумент против, Дом будто не слышал: он продолжал кивать только своей стороне. Так каждый уходил оттуда ещё более уверенным в своей правоте — и ещё более одиноким.

Маленький Странник шёл по пыльной дороге, чувствуя, как тишина давит сильнее любого крика. Он видел, как из окна одного дома мелькнул чей-то взгляд — и тут же исчез, будто человек испугался, что его заметят. Странник остановился, подождал, потом тихо сказал:

— Добрый день.

Никто не ответил. Окно осталось тёмным.

Чуть дальше он встретил старика, который сидел на скамейке и смотрел куда-то вдаль, не на Маленького Странника, а сквозь него. Странник подошёл и сел рядом, не слишком близко, чтобы не нарушить границы.

— Красиво тут, — тихо сказал он, имея в виду не пейзаж, а возможность просто посидеть рядом.

Старик помолчал, будто взвешивал, стоит ли тратить на него слово. Потом буркнул:

— Кому как. Мне кажется, всё слишком большое. Не по человеку.

— Да, — согласился Маленький Странник, не споря. — Иногда кажется, что если место такое огромное, то и ты должен быть огромным, чтобы что-то значить.

Старик покосился на него — не враждебно, а с усталым удивлением, будто впервые услышал, что кто-то думает так же.

— Я тридцать лет не разговариваю с соседом, — вдруг сказал старик, будто сам себе удивляясь. — Он когда-то сказал, что мой забор кривой. А я подумал: раз он так говорит, значит, он меня не уважает. И перестал с ним здороваться. А потом он перестал со мной. И вот уже тридцать лет мы не говорим.

— А забор-то кривой? — тихо спросил Странник

Старик фыркнул, но в этом фыркание была не злость, а облегчение от того, что можно наконец сказать правду:

— Кривой. Я сам знаю. Просто мне казалось, что если я признаю, что он прав про забор, то он будет прав и во всём остальном. А я не хотел быть неправым.

Странник кивнул, не осуждая:

— Здесь легко поверить, что быть правым — это самое важное. Даже важнее, чем не быть одному.

Старик опустил голову, будто впервые увидел свои руки, свои колени, свою обычную человеческую усталость.

— Может, и так, — пробормотал он. — А может, я просто

боялся, что, если заговорю, он опять скажет что-то обидное.

— Или может, он тоже боится, — сказал Маленький Странник. — Что ты скажешь ему что-то, что докажет, что он всё эти годы был не прав. И тогда рухнет всё, на чём он держится.

Старик снова покосился на героя — теперь уже не с подозрением, а с интересом.

— Ты не здешний?

— Нет, — улыбнулся Странник. — Я просто знаю, как бывает, когда слишком долго держишься за свою правоту. В какой-то момент она становится клеткой.

Он встал, протянул старику руку не для рукопожатия, а просто чтобы тот понял: «Я здесь, я не враг».

— Если хочешь, можем просто посидеть ещё немного. Без споров. Или можем пойти и сказать соседу: «Да, забор кривой. Но я рад, что ты жив и что мы оба дожили до этого дня».

Старик посмотрел на протянутую руку, потом на дорогу, ведущую к дому соседа. В его глазах мелькнуло что-то давно забытое — не страх и не гордость, а простое человеческое «а вдруг получится».

И в этот миг Дом Правоты на горе тихо скрипнул, будто ему стало неуютно. Стены больше не повторяли старые аргументы с такой уверенностью. Где-то на окраине другой человек, который годами молчал, вдруг тихо пробормотал себе под нос: «Может, я и не во всём прав...» — и это тихое сомнение, вместо того чтобы ослабить его, сделало его чуть

свободнее, будто он сбросил тяжёлый плащ, который носил, чтобы казаться выше.

Планета не стала меньше, но расстояния между домами будто чуть сократились. Ветер больше не уносил слова в пустоту — он начал приносить их туда, где их были готовы услышать. Гордыня убеждает, что быть правым важнее, чем быть вместе. Но настоящая сила — в том, чтобы сказать: «Я могу ошибаться, и мне всё равно хочется быть рядом». Правота, за которую приходится платить одиночеством, в конце концов становится слишком дорогой.

Как вдруг крошечный осколок его любимой звезды, мерцающая, подлетел прямо к Маленькому Страннику и лёг ему в ладонь. Тёплый, чуть вибрирующий от затаённого света, он был не обжигающим, а бережным — будто в нём сохранилась не боль обиды, а сама суть любви Альционы. Странник взял осколок с трепетной осторожностью, словно держал в руках хрупкое обещание, и бережно положил его в мешочек, привязанный к поясу.

С этим осколком ему стало легче продолжать свой путь: будто Альциона снова была рядом, только теперь её свет не пытался заслонить весь мир, а тихо согревал его изнутри, как тёплое дыхание в холодной тишине. И Странник понял: чтобы вернуть её, ему не нужно доказывать свою правоту. Ему нужно научиться слышать других — и не бояться признать, что он тоже может ошибаться.

Он глубоко вдохнул, ощущая, как спокойствие, рождён-

ное этим пониманием, расходится по всему телу, и шагнул вперёд. Дорога уводила его к следующей планете, и каждый шаг теперь звучал не как вызов, а как готовность встретиться с чужой болью и не отступить. Ветер коснулся его лица, принёс незнакомые запахи далёких земель, и Странник улыбнулся — тихо, почти незаметно, но искренне.

«Я иду, — прошептал он, касаясь пальцами мешочка с осколком. — Я иду, чтобы всё исправить».

И он отправился на следующую планету, неся в сердце не груз вины и не жажду победы, а тихое, упрямое желание понять: ведь именно с понимания и начинается настоящая любовь.

Планета Гордыни

Глава 3

Планета Алчности (Жадности)

Планета Алчности была сплошной чередой заборов — высоких, низких, покосившихся, новеньких, железных, деревянных, сплетённых из сухих веток. Заборы росли повсюду: огораживали дома, огораживали пустые участки, огораживали даже одинокие деревья и сухие колодцы. Казалось, сама планета хотела сказать: «Здесь всё поделено. Здесь у каждого — своё, и чужое брать нельзя». За каждым забором кто-то сидел, прижимался к щели, следил, не идёт ли сосед к его границе, не тянется ли к чему-то, что можно схватить и спрятать.

Реки здесь текли не водой, а жидким алюминием — тусклым, холодным, тяжёлым. Он не журчал, а глухо шелестел, будто пересыпались монеты. Пить его было нельзя: он не утолял жажду, а только усиливал её, оставлял на губах металлический привкус «ещё чуть-чуть, ещё хоть каплю». Берега рек были вытоптаны до камня: люди приходили сюда не любоваться, а собирать всё, что могло иметь хоть малейшую ценность — камешки, обломки, блестящие чешуйки, которые иногда отрывались от потока и падали на землю.

На улицах не было прогулок. Люди не ходили — они рыс-

кали. Они наклонялись, поднимали каждый камушек, тёрли его, смотрели на свет, пытались понять, не прячется ли в нём хоть капля металла. Они выкапывали даже сухие сорняки, потому что корень мог быть толстым, а значит, его можно было обменять на что-то у того, кто ценит тяжесть. Эти сорняки они несли к себе за заборы и сажали на своих крошечных огородах, как будто верили: если ухаживать, вырастет что-то ценное. Но земля здесь не рождала щедрости — она рождала только новые поводы для подозрений: «А вдруг у него вырастет лучше, чем у меня?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.